FAN VA TA'LIM YANGILIKLARI
ILMIY-METODIK JURNAL
ISSN 3093-8694 ◆ saen.uz
2026-yil
11-son

УДК 159.922.4:316.356.2

Туракулова Азиза Санджаровна,
доктор философии по психологическим наукам (PhD), доцент кафедры психологии Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ КАК ПРЕДИКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. В статье представлена двухканальная концептуальная модель семейной детерминации этнической идентичности в юношеском возрасте и результаты её пилотной эмпирической проверки. Модель разводит два относительно независимых канала семейного влияния: содержательный (этническая социализация — прямая передача знаний, истории и ценностей, а также включённость в этнически гомогенные практики) и формальный (стиль семейных эмоциональных коммуникаций). Выборку составил 51 студент в возрасте 17–25 лет (M = 20,20; SD = 1,76), проживающий в городской среде Узбекистана. Использованы методика семейной этнической социализации А. Уманья-Тэйлор, шкала этнической идентичности Дж. Финни, опросник «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, экспресс-опросник «Индекс толерантности» и опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» А.Б. Холмогоровой и С.В. Воликовой. Установлено, что явная этническая социализация выступает ведущим предиктором выраженности этнической идентичности ($\beta = 0,59$; $p < 0,001$; $\Delta R^2 = 0,39$), не повышая при этом гиперидентичных установок.

Ключевые слова: этническая идентичность, семейная этническая социализация, семейные эмоциональные коммуникации, юношеский возраст, межэтническая толерантность, гиперидентичность, студенты, Узбекистан.

OILAVIY ETNIK SOTSIALIZATSIYA O‘SMIRLIK-YOSHLIK DAVRIDA ETNIK IDENTIKLIKNING PREDIKTORI SIFATIDA: POSTSOVET TURKIY JAMIYATLARIDA KROSMADANIY TADQIQOTLAR UCHUN KONSEPTUAL MODEL

Annotatsiya. Maqolada o'smirlik-yoshlik davrida etnik identiklikning oilaviy determinatsiyasiga doir ikki kanalli konseptual model va uning pilot empirik tekshiruvi natijalari taqdim etilgan. Model oilaviy ta'sirning nisbatan mustaqil ikki kanalini ajratadi: mazmuniy kanal (etnik sotsializatsiya — bilim, tarix va qadriyatlarni bevosita uzatish hamda etnik jihatdan bir xil amaliyotlarga jalb etilganlik) va shakliy kanal (oilaviy emotsional kommunikatsiyalar uslubi). Tanlanmani O‘zbekistonning shahar muhitida yashovchi 17–25 yoshdagi 51 nafar talaba tashkil etdi (M = 20,20; SD = 1,76). Tadqiqotda A. Umanya-Teylorning oilaviy etnik sotsializatsiya metodikasi, J. Finnining etnik identiklik shkalasi, G.U. Soldatova va S.V. Rijovaning «Etnik identiklik turlari» so‘rovnomasi, «Tolerantlik indeksi» ekspress-so‘rovnomasi hamda A.B. Xolmogorova va S.V. Volikovaning «Oilaviy emotsional kommunikatsiyalar» so‘rovnomasi qo‘llanildi.

Kalit so‘zlar: etnik identiklik, oilaviy etnik sotsializatsiya, oilaviy emotsional kommunikatsiyalar, o‘smirlik-yoshlik davri, millatlararo tolerantlik, giperidentiklik, talabalar, O‘zbekiston.

FAMILIAL ETHNIC SOCIALIZATION AS A PREDICTOR OF ETHNIC IDENTITY IN EMERGING ADULTHOOD: A CONCEPTUAL MODEL FOR CROSS-CULTURAL RESEARCH IN POST-SOVIET TURKIC SOCIETIES

Abstract. The article presents a two-channel conceptual model of the familial determination of ethnic identity in emerging adulthood, together with the results of its pilot empirical examination. The model distinguishes two relatively independent channels of family influence: a content channel (ethnic socialization — the direct transmission of knowledge, history and values, as well as involvement in ethnically homogeneous practices) and a form channel (the style of familial emotional communication). The sample comprised 51 students aged 17–25 (M = 20.20; SD = 1.76) residing in urban Uzbekistan. The battery included the Familial Ethnic Socialization Measure (Umaña-Taylor), the Multigroup Ethnic Identity Measure (Phinney), the Types of Ethnic Identity questionnaire (Soldatova & Ryzhova), the Tolerance Index express questionnaire, and the Familial Emotional Communication questionnaire (Kholmogorova & Volikova). Overt ethnic socialization emerged as the leading predictor of ethnic identity strength ($\beta = .59$; $p < .001$; $\Delta R^2 = .39$) without elevating hyper-identity attitudes.

Keywords: ethnic identity, familial ethnic socialization, familial emotional communication, emerging adulthood, interethnic tolerance, hyper-identity, university students, Uzbekistan.

ВВЕДЕНИЕ

Этническая идентичность является важным психологическим образованием, выступающим одновременно ресурсом личностного благополучия и потенциальным фактором этноцентрических установок. Исследования показывают, что позитивная этническая идентичность способствует психологической устойчивости и социальной адаптации, однако при определённых условиях может сопровождаться снижением межкультурной толерантности [10; 12; 18; 19]. Поэтому особое значение приобретает изучение семейных условий формирования её качественного содержания.

Семья выступает основной средой передачи этнических ценностей, традиций и представлений о групповом происхождении. Семейная этническая социализация включает практики, посредством которых родители формируют у детей представления об этнической принадлежности [4; 5; 6]. Вместе с тем влияние семьи определяется не только содержанием воспитания, но и характером эмоциональной коммуникации, уровнем родительского контроля, критики и перфекционистских требований [14; 15].

Несмотря на значительный интерес к данной проблематике, взаимосвязь этнической социализации и эмоционального климата семьи остаётся недостаточно изученной. Особенно актуально исследование этих факторов в условиях Узбекистана, характеризующегося полиэтничностью, сохранением семейных традиций и активным взаимодействием молодёжи с глобальным информационным пространством.

Цель исследования — разработать двухканальную концептуальную модель семейной детерминации этнической идентичности и провести её пилотную эмпирическую проверку на выборке студенческой молодёжи Узбекистана.

В соответствии с целью сформулированы следующие гипотезы:

1. Семейная этническая социализация является значимым предиктором выраженности этнической идентичности.

2. Явная и скрытая формы этнической социализации по-разному связаны с выраженностью идентичности и её гиперидентичными проявлениями.

3. Особенности эмоциональной коммуникации в семье связаны преимущественно с типом этнической идентичности и уровнем межэтнической толерантности.

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ

Теоретической основой исследования выступают концепция развития идентичности Э. Эриксона и Дж. Марсиа, теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тёрнера, а также модель этнической идентичности Дж. Финни, выделяющая исследование этнической принадлежности и чувство принадлежности к группе [1; 2; 8; 16; 17].

Качественные характеристики этнической идентичности раскрываются в типологии Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, включающей состояния от этнонигилизма до этнофанатизма [10]. Т.Г. Стефаненко и Н.М. Лебедева отмечают зависимость трансформаций идентичности от социальной нестабильности, воспринимаемой угрозы и межгрупповых отношений [12; 13].

Важное значение имеют исследования семейной этнической социализации А. Уманья-Тэйлор, показавшей влияние семейной передачи этнических ценностей на формирование идентичности [4; 5]. Д. Хьюз и соавторы выделяют различные практики этнорасовой социализации, последствия которых могут быть как позитивными, так и негативными для межгрупповых отношений [6].

Другим теоретическим основанием являются исследования А.Б. Холмогоровой и С.В. Воликовой, посвящённые семейным эмоциональным коммуникациям, включая элиминирование эмоций, индуцирование тревоги, недоверие и семейный перфекционизм [14; 15]. Однако их связь с формированием этнической идентичности остаётся недостаточно изученной.

Дополнительную теоретическую основу составляет модель аккультурации Дж. Берри, связывающая сохранение собственной культуры с открытостью межкультурному взаимодействию [7]. Метааналитические исследования также подтверждают положительную связь этнической идентичности с психологическим благополучием [24].

На основе рассмотренных подходов предлагается двухканальная модель семейной детерминации этнической идентичности. Первый канал — содержательный, связанный с передачей этнических ценностей и формированием выраженности идентичности. Второй — формальный, определяемый особенностями семейных эмоциональных коммуникаций и влияющий на качественную направленность идентичности и межэтническую толерантность. Скрытая этническая социализация занимает промежуточное положение, сочетая передачу этнического содержания с возможным формированием групповой закрытости.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка и процедура. Сбор данных проводился в онлайн-формате посредством стандартизированной анкеты. Участие было добровольным и анонимным; респонденты информировались о целях исследования и давали согласие на обработку обезличенных данных. Первичный массив составил 61 протокол. К анализу применялась двухступенчатая процедура скрининга. На первом шаге исключались протоколы с признаками недобросовестного заполнения — провокативными или заведомо несодержательными ответами в демографическом блоке (3 протокола). На втором шаге выборка ограничивалась возрастным диапазоном юношеского возраста 17–25 лет, что повлекло исключение ещё 7 протоколов, в том числе протоколов несовершеннолетних младше 17 лет, не подлежащих включению по этическим основаниям. Итоговую выборку составил 51 человек.

Характеристики итоговой выборки: возраст от 17 до 25 лет (M = 20,20; SD = 1,76); 36 женщин (70,6 %) и 15 мужчин (29,4 %); по уровню образования — незаконченное высшее у 28 человек (54,9 %), высшее у 15 (29,4 %), иное у 8 (15,7 %); все респонденты проживают в городской среде. По этнической самоидентификации: узбеки — 40 человек (78,4 %), русские — 3 (5,9 %), азербайджанцы — 2 (3,9 %), таджики — 2 (3,9 %), казахи — 1 (2,0 %), полиэтническая самоидентификация — 3 (5,9 %). Выходцами из мононациональных семей являются 44 человека (86,3 %), из смешанных — 7 (13,7 %). Субъективный уровень религиозности по пятибалльной шкале: M = 3,04; SD = 1,01.

Методики. Диагностическая батарея включала следующие инструменты.

— Методика семейной этнической социализации (FESM) А. Уманья-Тэйлор — 12 утверждений, оцениваемых по пятибалльной шкале согласия. Выделяются явная социализация (прямая передача знаний, истории и ценностей, разговоры о значимости происхождения) и скрытая социализация (участие в этнически специфичных мероприятиях, предметная среда дома, этническая гомогенность ближайшего окружения, праздники, музыка) [4].

— Шкала этнической идентичности (MEIM) Дж. Финни — 12 утверждений по шестибалльной шкале, образующих субшкалы исследования этнической идентичности и принятия этнической принадлежности [1].

— Опросник «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой — 30 утверждений по пятибалльной шкале, шесть субшкал: этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этническая идентичность (норма), этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм [10].

— Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова) — применялась версия из 21 утверждения по шестибалльной шкале; обратные пункты перекодировались [11].

— Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) А.Б. Холмогоровой и С.В. Воликовой — 30 утверждений по пятибалльной шкале, ретроспективно оценивающих коммуникативный уклад родительской семьи [14].

Помимо перечисленных, батарея включала блок этнонациональных установок (21 утверждение) и блок культурно-ценностных ориентаций. Результаты по этим блокам в настоящей статье не приводятся и составят предмет отдельных публикаций (см. раздел «Ограничения исследования и перспективы»).

Обработка данных. Шкальные баллы вычислялись как средние арифметические по пунктам субшкал, что обеспечивает сопоставимость с исходной метрикой. Внутренняя согласованность оценивалась коэффициентом α Кронбаха; к содержательной интерпретации допускались шкалы с $\alpha \geq 0{,}70$. Нормальность распределений проверялась критерием Шапиро — Уилка. Применялись корреляционный анализ по Пирсону, сравнение зависимых коэффициентов корреляции методом Стайгера [25], иерархический и множественный регрессионный анализ, t-критерий Уэлча и однофакторный дисперсионный анализ. Для композита «трансформации идентичности» усреднялись субшкалы этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма ($\alpha = 0{,}93$). Расчёты выполнены средствами Python 3 (библиотеки pandas, scipy, statsmodels).

Оценка статистической мощности. При $N = 51$ и $\alpha = 0{,}05$ (двусторонний критерий) мощность 0,80 достигается для коэффициентов корреляции $|r| \geq 0{,}38$. Эффекты меньшей величины на данной выборке надёжно не выявляются, что учитывалось при интерпретации: незначимые результаты не трактуются как свидетельство отсутствия связи.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Психометрические характеристики и описательная статистика. Показатели внутренней согласованности и описательные характеристики шкал приведены в таблице 1. Приемлемую или хорошую надёжность продемонстрировали шкалы FESM (явная социализация $\alpha = 0{,}80$; общий балл $\alpha = 0{,}78$), MEIM (общий балл $\alpha = 0{,}87$), пять из шести субшкал типологии Солдатовой — Рыжовой (α от 0,78 до 0,87), общий балл индекса толерантности ($\alpha = 0{,}76$) и четыре шкалы СЭК (α от 0,71 до 0,81).

Три шкалы показали недостаточную согласованность и в содержательной интерпретации не используются: скрытая социализация FESM (α = 0,57), этническая индифферентность (α = 0,30) и индуцирование недоверия к людям (α = 0,33, 2 пункта). Шкала скрытой социализации сохранена в анализе как разведочный показатель с обязательной оговоркой о сниженной надёжности, поскольку она составляет содержательное ядро проверяемой гипотезы 2; полученные по ней результаты требуют подтверждения на расширенной выборке. Субшкалы индекса толерантности (α от 0,45 до 0,60) исключены из анализа, интерпретируется только общий балл.

Таблица 1. Описательная статистика и внутренняя согласованность шкал (N = 51)

Шкала	k	α	M	SD	Размах	W (p)
Явная этническая социализация (FESM-Я)	6	0,80	3,52	0,68	1,60–4,83	0,001
Скрытая этническая социализация (FESM-С)	6	0,57	3,23	0,58	1,67–4,33	0,240
Этническая социализация, общий балл	12	0,78	3,37	0,56	—	—
Исследование этнической идентичности	5	0,78	3,66	0,83	2,00–5,20	0,117
Принятие этнической принадлежности	7	0,81	3,94	0,65	2,29–5,00	0,345
Этническая идентичность, общий балл (MEIM)	12	0,87	3,82	0,66	2,33–5,08	0,195
Позитивная этническая идентичность (норма)	5	0,78	4,02	0,86	1,80–5,00	0,002
Этнонигилизм	5	0,80	2,65	0,97	1,00–5,00	0,314
Этническая индифферентность	5	0,30	3,26	0,59	2,00–5,00	0,011
Этноэгоизм	5	0,86	2,32	1,01	1,00–5,00	0,003
Этноизоляционизм	5	0,87	2,39	1,07	1,00–5,00	0,005
Этнофанатизм	5	0,83	2,60	1,03	1,00–5,00	0,085
Трансформации идентичности (композит)	15	0,93	2,43	0,97	—	—
Индекс толерантности, общий балл	21	0,76	3,90	0,59	1,90–5,14	0,076
Элиминирование эмоций	9	0,76	3,01	0,69	1,56–5,00	0,282
Фиксация на внешнем благополучии	2	0,81	3,61	1,18	1,00–5,00	0,000
Индуцирование тревоги	6	0,74	3,60	0,70	1,83–5,00	0,154
Семейный перфекционизм и критика	6	0,71	3,21	0,76	1,50–5,00	0,647

Шкала	k	α	M	SD	Размах	W (p)
Сверхвключённость и сверх-контроль	5	0,80	3,27	0,89	1,20–5,00	0,503

Примечание: k — число пунктов; α — коэффициент α Кронбаха; W (p) — уровень значимости критерия Шапиро — Уилка. Шкалы MEIM и индекса толерантности измерены по шестибалльной шкале, остальные — по пятибалльной.

Профиль этнической идентичности выборки благополучен: позитивная этническая идентичность значимо превосходит все остальные типы — этнонигилизм (ΔM = 1,36; t(50) = 6,37; p < 0,001; d = 1,48), этническую индифферентность (ΔM = 0,76; t(50) = 5,99; p < 0,001; d = 1,03), этноэгоизм (ΔM = 1,70; t(50) = 7,83; p < 0,001; d = 1,81), этноизоляционизм (ΔM = 1,63; t(50) = 7,32; p < 0,001; d = 1,68) и этнофанатизм (ΔM = 1,42; t(50) = 6,74; p < 0,001; d = 1,50). Это соответствует данным о преобладании нормативного типа идентичности в стабильных социальных условиях.

Проверка гипотез 1 и 2: семейная этническая социализация. Корреляции показателей семейной этнической социализации с характеристиками этнической идентичности представлены в таблице 2. Явная и скрытая социализация умеренно связаны между собой (r = 0,584; p < 0,001), что подтверждает их принадлежность к общему конструкту при сохранении различительной способности.

Таблица 2. Связь семейной этнической социализации с показателями этнической идентичности и толерантности (N = 51)

Показатель	Явная социализация	Скрытая социализация	z (Стайгер)	p
Исследование этнической идентичности	0,536***	0,415**	—	—
Принятие этнической принадлежности	0,555***	0,357*	—	—
Этническая идентичность, общий балл	0,599***	0,423**	1,63	0,103
Позитивная идентичность (норма)	0,156	0,025	1,00	0,318
Этнонигилизм	–0,091	0,257†	—	—
Этноэгоизм	0,070	0,353*	–2,21	0,027*
Этноизоляционизм	0,214	0,416**	–1,64	0,101
Этнофанатизм	0,247†	0,374**	–1,03	0,304
Трансформации идентичности (композит)	0,190	0,407**	–1,72	0,086†
Индекс толерантности	0,185	0,005	1,38	0,168

*Примечание: приведены коэффициенты корреляции Пирсона; z — критерий Стайгера для сравнения зависимых корреляций. *** p < 0,001; ** p < 0,01; * p < 0,05; † p < 0,10.*

Гипотеза 1 подтверждается: обе формы семейной этнической социализации значимо положительно связаны с выраженностью этнической идентичности, причём для явной социализации связь сильная (r = 0,599; 95 % ДИ [0,388; 0,751]), для скрытой — умеренная (r = 0,423; 95 % ДИ [0,167; 0,625]).

Гипотеза 2 также находит подтверждение, причём в наиболее содержательной своей части. Явная социализация не обнаруживает значимых связей ни с одним из гиперидентичных типов, за исключением тенденции к связи с этнофанатизмом (r = 0,247; p < 0,10) и полностью отсутствующей связи с композитом трансформаций (r = 0,190; p = 0,182). Скрытая социализация, напротив, значимо связана со всеми тремя гиперидентичными типами и с композитом трансформаций (r = 0,407; p = 0,003). Сравнение зависимых корреляций методом Стайгера показывает статистически значимое различие для этноэгоизма (z = –2,21; p = 0,027) и различие на уровне тенденции для композита трансформаций (z = –1,72; p = 0,086). Содержательно это означает, что прямая передача этнического знания и скрытая включённость в этнически замкнутое окружение, будучи сопряжёнными практиками, имеют различные психологические следствия.

Результаты иерархического регрессионного анализа предикторов выраженности этнической идентичности приведены в таблице 3. Социально-демографический блок и тип семьи не объясняют значимой доли дисперсии. Введение показателей этнической социализации на третьем шаге повышает объяснённую дисперсию на 39,2 процентных пункта ($\Delta R^2 = 0,392$; $p < 0,001$), причём единственным значимым предиктором выступает явная социализация. Добавление параметров семейных эмоциональных коммуникаций на четвёртом шаге практически не улучшает модель ($\Delta R^2 = 0,014$).

Таблица 3. Иерархический регрессионный анализ предикторов выраженности этнической идентичности (MEIM, общий балл)

Предиктор	**Шаг 1 B**	**Шаг 2 B**	**Шаг 3 B**	**Шаг 4 B**	**Шаг 4: SE / p**
Возраст	–0,055	–0,057	–0,068	–0,067	0,049 / 0,179
Пол (женский)	0,222	0,244	0,226	0,209	0,188 / 0,273
Религиозность	0,044	0,033	0,082	0,082	0,082 / 0,322
Смешанная семья	—	–0,240	–0,236	–0,270	0,238 / 0,262
Явная социализация	—	—	0,544***	0,588***	0,146 / <0,001
Скрытая социализация	—	—	0,128	0,105	0,175 / 0,552
Элиминирование эмоций	—	—	—	0,074	0,146 / 0,614
Индуцирование тревоги	—	—	—	0,089	0,160 / 0,580
Сверхконтроль	—	—	—	–0,149	0,146 / 0,313
R^2	0,063	0,078	0,470	0,484	—
ΔR^2	—	0,015	0,392***	0,014	—

Предиктор	Шаг 1 B	Шаг 2 B	Шаг 3 B	Шаг 4 B	Шаг 4: SE / p
F	1,03	0,96	6,35***	4,16***	—

*Примечание: n = 50 (один протокол исключён из-за пропуска по показателю религиозности). B — нестандартизованные коэффициенты регрессии. *** p < 0,001. Стандартизованный коэффициент явной социализации в финальной модели β = 0,585 (p < 0,001).*

Проверка гипотезы 3: семейные эмоциональные коммуникации. Корреляции параметров СЭК с характеристиками этнической идентичности приведены в таблице 4. Картина связей качественно отличается от полученной для этнической социализации.

Таблица 4. Связь параметров семейных эмоциональных коммуникаций с этнической идентичностью и толерантностью (N = 51)

Показатель	Элиминирование эмоций	Внешнее благополучие	Индуцирование тревоги	Перфекционизм и критика	Сверхконтроль
Этническая социализация (общий)	0,121	0,027	0,202	0,137	0,246†
Этническая идентичность (MEIM)	0,034	0,266†	0,081	0,028	0,065
Позитивная идентичность (норма)	–0,324*	0,308*	0,169	–0,309*	–0,107
Этнонигилизм	0,468***	0,043	0,293*	0,664***	0,437**
Этноэгоизм	0,413**	0,004	0,202	0,568***	0,363**
Этноизоляционизм	0,383**	–0,005	0,174	0,474***	0,402**
Этнофанатизм	0,384**	0,124	0,227	0,484***	0,459***
Трансформации (композит)	0,420**	—	0,214	0,542***	0,435**
Индекс толерантности	–0,210	–0,027	–0,107	–0,535***	–0,250†

*Примечание: *** p < 0,001; ** p < 0,01; * p < 0,05; † p < 0,10.*

Гипотеза 3 подтверждается отчётливо. Ни один из параметров семейных эмоциональных коммуникаций не связан значимо с выраженностью этнической идентичности. Одновременно все три надёжно измеренных параметра — элиминирование эмоций, семейный перфекционизм и критика, сверхвключённость и сверхконтроль — значимо связаны со всеми типами трансформированной идентичности, включая разнонаправленные полюса: как с этнонигилизмом, так и с этнофанатизмом. Наиболее сильная связь обнаружена для семейного перфекционизма и критики с этнонигилизмом (r = 0,664; 95 % ДИ [0,475; 0,794]) и с композитом трансформаций (r = 0,542; 95 % ДИ [0,313; 0,711]). Позитивная этническая идентичность, напротив, отрицательно связана с элиминированием эмоций (r = –0,324) и с семейным перфекционизмом (r = –0,309).

Особого внимания заслуживает связь семейного перфекционизма и критики с межэтнической толерантностью (r = –0,535; 95 % ДИ [–0,706; –0,304]). В регрессионной модели, включающей обе формы этнической социализации, три параметра СЭК и выраженность этнической идентичности, этот показатель остаётся единственным значимым предиктором толерантности (β = –0,707; p < 0,001; R^2 = 0,361; F(6, 44) = 4,14; p = 0,002). Выраженность этнической идентичности на уровень толерантности значимого влияния не оказывает (β = –0,053; p = 0,732).

Регрессионный анализ предикторов трансформаций идентичности подтверждает двухканальную структуру: значимый вклад вносят скрытая этническая социализация (β = 0,325; p = 0,039) и, на уровне тенденции, семейный перфекционизм и критика (β = 0,335; p = 0,069), тогда как явная социализация вклада не имеет (β = –0,051; p = 0,749); R^2 = 0,393; F(5, 45) = 5,82; p < 0,001. Проверка модерационного эффекта показала, что взаимодействие явной социализации и семейного перфекционизма незначимо (β = 0,060; p = 0,581), то есть каналы действуют аддитивно, а не мультипликативно.

Композит трансформаций идентичности сильно отрицательно связан с межэтнической толерантностью (r = –0,604; 95 % ДИ [–0,754; –0,395]), что подтверждает конструктную валидность применённого инструментария.

Дополнительные сопоставления. Различия между выходцами из мононациональных и смешанных семей по большинству показателей не достигают значимости; обнаружена тенденция к более высокой позитивной этнической идентичности у выходцев из смешанных семей (M = 4,40 против 3,95; t = –2,10; p = 0,052; d = –0,52). Половые различия также не достигают значимости, за исключением тенденции к более высокой норме у женщин (p = 0,077; d = –0,64). Различия по языку повседневного общения незначимы по всем показателям. Учитывая малочисленность сравниваемых подгрупп (7 человек из смешанных семей; 6 человек, преимущественно говорящих по-узбекски), эти результаты рассматриваются исключительно как основания для гипотез, требующих проверки на расширенной выборке.

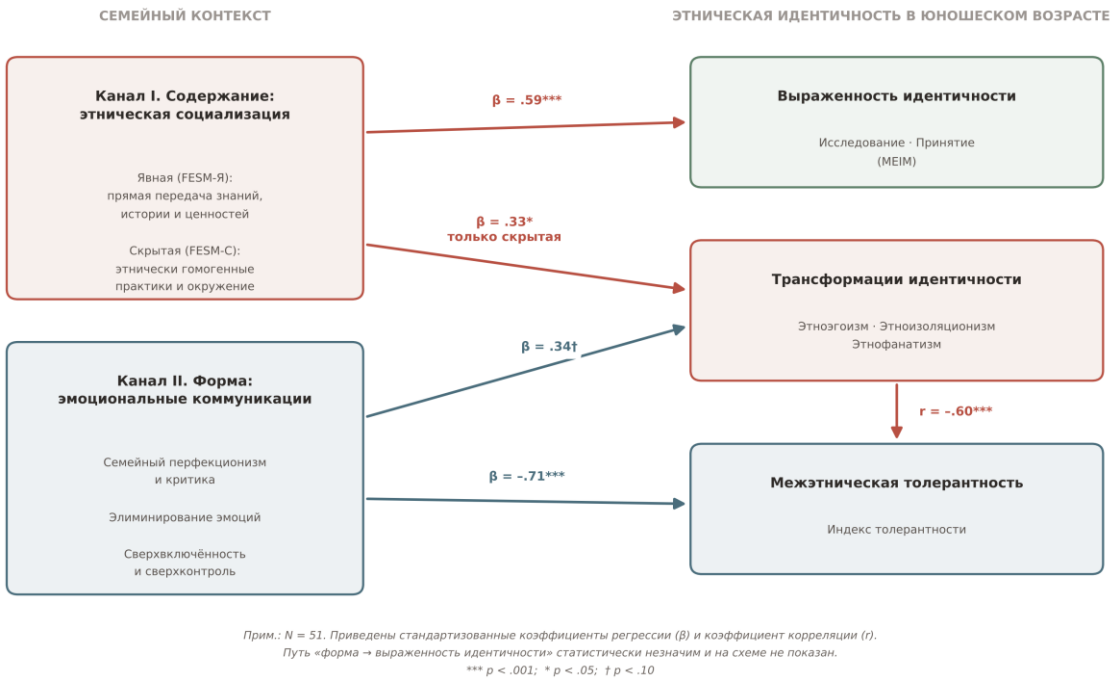

Рисунок 1. Двухканальная модель семейной детерминации этнической идентичности в юношеском возрасте

ОБСУЖДЕНИЕ РУЗУЛЬТАТОВ

Основной результат исследования заключается в выявлении различий между двумя каналами семейного влияния. Явная этническая социализация определяет выраженность этнической идентичности, объясняя около 39 % её дисперсии сверх демографических характеристик, но не повышает уровень гиперидентичных установок. Стиль семейных эмоциональных коммуникаций, напротив, практически не влияет на уровень идентичности, однако связан с её качественным содержанием и снижением межэтнической толерантности. Таким образом, содержание семейной передачи определяет прочность идентичности, а характер эмоционального общения — её конструктивную или защитную направленность.

Полученные данные не подтверждают представление о неизбежной связи сильной этнической идентичности с нетерпимостью. Выраженность идентичности не связана статистически значимо с уровнем толерантности (r = 0,070; p = 0,623) и гиперидентичными трансформациями (r = 0,227; p = 0,110), но положительно связана с позитивной этнической идентичностью (r = 0,465; p меньше 0,001). Следовательно, основным фактором риска выступают не сама этническая принадлежность и её осознание, а неблагоприятные условия семейного воспитания.

Скрытая этническая социализация оказалась теснее связана с гиперидентичными трансформациями, особенно с этноэгоизмом, чем явная социализация. Вероятно, это объясняется тем, что ограниченная межкультурная среда сокращает возможности знакомства с другими культурами. Однако с учётом

недостаточной внутренней согласованности данной шкалы (α = 0,57) этот вывод требует дальнейшей проверки.

Особое значение имеет выявленная связь семейного перфекционизма и критики одновременно с этнонигилизмом и этнофанатизмом. Это позволяет предположить, что условное принятие и завышенные родительские требования могут способствовать формированию как отрицательного, так и чрезмерно выраженного отношения к собственной этнической группе.

Отсутствие значимого модерационного эффекта свидетельствует о преимущественно самостоятельном действии двух каналов семейного влияния. Поэтому программы психологического сопровождения должны учитывать как содержание этнического воспитания, так и особенности внутрисемейных эмоциональных отношений.

Ограничения исследования и перспективы

Результаты необходимо интерпретировать с учётом пилотного характера исследования. Во-первых, корреляционный одномоментный дизайн не позволяет устанавливать причинно-следственные связи. Во-вторых, выборка (N = 51) ограничена по объёму, полу и социально-географическому составу, что затрудняет обобщение результатов. В-третьих, использование самоотчётов может влиять на достоверность полученных данных. Кроме того, отдельные шкалы показали недостаточную внутреннюю согласованность и нуждаются в дополнительной психометрической проверке.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на:

1. Расширение выборки до 400 и более респондентов с обеспечением гендерного и этнокультурного баланса.
2. Изучение соотношения этнической и гражданской идентичности в полиэтничном обществе.
3. Психометрическую адаптацию методик для русско- и узбекоязычной выборок.
4. Проверку влияния языка проведения исследования на результаты диагностики.
5. Проведение лонгитюдных и интервенционных исследований для установления причинных связей и оценки эффективности программ психологического сопровождения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье предложена и подвергнута пилотной эмпирической проверке двухканальная модель семейной детерминации этнической идентичности в юношеском возрасте. Модель разводит содержательный канал семейного влияния (этническая социализация) и формальный канал (стиль семейных эмоциональных коммуникаций), относя к первому определение выраженности идентичности, ко второму — определение её валентности.

Основные результаты состоят в следующем. Явная семейная этническая социализация выступает ведущим предиктором выраженности этнической идентичности, объясняя 39,2 % дисперсии сверх влияния демографических характеристик и типа семьи, и при этом не повышает уровня гиперидентичных установок. Скрытая социализация связана преимущественно с трансформациями идентичности, значимо превосходя явную по силе связи с этноэгоизмом. Параметры семейных эмоциональных коммуникаций не влияют на уровень этнической идентичности, но значимо связаны со всеми типами её трансформации и, в случае семейного перфекционизма и критики, выступают наиболее сильным отрицательным предиктором межэтнической толерантности. Два канала действуют аддитивно.

Практическое следствие полученных результатов состоит в разделении мишеней психологического сопровождения. Задача укрепления этнической идентичности решается средствами поддержки осознанной, вербализованной семейной передачи культурного содержания. Задача профилактики этноцентрических и изоляционистских установок решается иными средствами — работой с эмоциональным укладом семьи, снижением критичности и перфекционистских требований. Смешение этих задач, равно как и попытка решать вторую за счёт ограничения первой, полученными данными не поддерживается.

Пилотный статус исследования требует подтверждения выводов на расширенной и сбалансированной выборке; соответствующая программа работы изложена в предыдущем разделе.

Список литературы:

1. Phinney J.S. The Multigroup Ethnic Identity Measure: A New Scale for Use with Diverse Groups // Journal of Adolescent Research. — 1992. — Vol. 7, No. 2. — P. 156–176.

2. Phinney J.S., Ong A.D. Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions // Journal of Counseling Psychology. — 2007. — Vol. 54, No. 3. — P. 271–281.

3. Umaña-Taylor A.J., Yazedjian A., Bámaca-Gómez M. Developing the Ethnic Identity Scale Using Eriksonian and Social Identity Perspectives // Identity: An International Journal of Theory and Research. — 2004. — Vol. 4, No. 1. — P. 9–38.

4. Umaña-Taylor A.J., Fine M.A. Examining Ethnic Identity among Mexican-Origin Adolescents Living in the United States // Hispanic Journal of Behavioral Sciences. — 2004. — Vol. 26, No. 1. — P. 36–59.

5. Umaña-Taylor A.J., Bhanot R., Shin N. Ethnic Identity Formation during Adolescence: The Critical Role of Families // Journal of Family Issues. — 2006. — Vol. 27, No. 3. — P. 390–414.

6. Hughes D., Rodriguez J., Smith E.P., Johnson D.J., Stevenson H.C., Spicer P. Parents' Ethnic-Racial Socialization Practices: A Review of Research and Directions for Future Study // Developmental Psychology. — 2006. — Vol. 42, No. 5. — P. 747–770.

7. Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. — 1997. — Vol. 46, No. 1. — P. 5–34.

8. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. — Chicago: Nelson-Hall, 1986. — P. 7–24.

9. Arnett J.J. Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens through the Twenties // American Psychologist. — 2000. — Vol. 55, No. 5. — P. 469–480.

10. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости. — М.: Смысл, 1998. — 389 с.

11. Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. — М.: Смысл, 2008. — 172 с.

12. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. — 4-е изд. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 368 с.

13. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. — М.: Ключ-С, 1999. — 224 с.

14. Холмогорова А.Б., Воликова С.В. Семейные источники негативной когнитивной схемы при эмоциональных расстройствах // Московский психотерапевтический журнал. — 2001. — № 4. — С. 49–60.

15. Воликова С.В. Современные исследования детского перфекционизма // Социальная и клиническая психиатрия. — 2012. — Т. 22, № 2. — С. 94–99.

16. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1996. — 344 с.

17. Marcia J.E. Development and Validation of Ego-Identity Status // Journal of Personality and Social Psychology. — 1966. — Vol. 3, No. 5. — P. 551–558.

18. Rivas-Drake D., Seaton E.K., Markstrom C. et al. Ethnic and Racial Identity in Adolescence: Implications for Psychosocial, Academic and Health Outcomes // Child Development. — 2014. — Vol. 85, No. 1. — P. 40–57.

19. Umaña-Taylor A.J., Quintana S.M., Lee R.M. et al. Ethnic and Racial Identity during Adolescence and into Young Adulthood: An Integrated Conceptualization // Child Development. — 2014. — Vol. 85, No. 1. — P. 21–39.

20. Берри Дж., Пуртинга А., Сигалл М., Дасен П. Кросс-культурная психология: исследования и применение. — Харьков: Гуманитарный центр, 2007. — 560 с.

21. Каримова В.М. Ижтимоий психология асослари. — Тошкент: Фан, 1994. — 160 б.

22. Шоумаров Ғ.Б. Оила психологияси. — Тошкент: Шарқ, 2008. — 256 б.

23. Абидова З. Этническая толерантность личности: социально-психологические детерминанты: дис. ... докт. психол. наук (DSc). — Ташкент: НУУз, 2025.

24. Smith T.B., Silva L. Ethnic Identity and Personal Well-Being of People of Color: A Meta-Analysis // Journal of Counseling Psychology. — 2011. — Vol. 58, No. 1. — P. 42–60.

25. Steiger J.H. Tests for Comparing Elements of a Correlation Matrix // Psychological Bulletin. — 1980. — Vol. 87, No. 2. — P. 245–251.